

Л. Б. Вольфцун

Императорская Публичная библиотека в 1812 г.

Статья посвящена жизни Библиотеки в 1812 г. На основе архивных документов подробно рассмотрен малоизвестный эпизод эвакуации книг из Петербурга. Многие документы публикуются впервые.

Ключевые слова: Петербург, Императорская Публичная библиотека, война 1812 г., эвакуация, А. Н. Оленин, А. К. Разумовский, В. С. Сопиков

Lyudmila B. Wolfzun

Imperial Public Library in 1812

The article is devoted to the life of the Library in 1812. On the basis of archival documents discussed in detail a little-known episode of the evacuation of books from Saint-Petersburg Public library. Many documents are published for the first time.

Keywords: Saint-Petersburg, Imperial Public library, the war of 1812, evacuation, Alexey N. Olenin, Alexey K. Razumovsky, Vasilii S. Sopikov

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

А. С. Пушкин

1812 год особыми красками отмечен в истории России. Это был год тяжелых испытаний и славных побед, год, когда в полную силу проявились лучшие черты русского народа. Отечественная война 1812 г. оставила неизгладимый след в памяти поколений, и 200 лет спустя не утихает интерес к событиям того времени. Этот год был особым и для Императорской Публичной библиотеки (ИПБ), хотя его начало никак не было связано с «грозой двенадцатого года». Библиотека готовилась к открытию.

Во второй день нового, 1812 года Библиотеку посетил император Александр I. Этому событию предшествовали почти два десятилетия упорной работы по разбору книг, внутреннему устройству, выработке библиографической системы. Решающий рывок был сделан в 1809–1811 гг., когда руководство практическими делами принял А. Н. Оленин сначала в должности помощника, а после смерти А. С. Строганова – директора Библиотеки¹. 29 декабря 1811 г. министр народного просвещения А. К. Разумовский доложил императору, что «Библиотека готова к открытию для публики в начале следующего года» и просил «Его Величество до публичного открытия осчастливить ее своим посещением»².

2 января 1812 г. все чиновники в парадных мундирах явились в Библиотеку, где в Круглой зале первого этажа (ныне зал отдела рукописей) директор Библиотеки представил их императору.

Александр I были поднесены составленные Олениным «Начертание новой библиографической системы» и стихи Н. И. Гнедича, написанные специально к этому случаю. Император обошел Библиотеку, осмотрел редкие издания XV в., небольшое собрание русских книг и почти на час задержался в Депо манускриптов, просматривая древние рукописи, письма коронованных особ, автографы знаменитых людей.

Общее впечатление императора было чрезвычайно благоприятным, и он счел, что Библиотека вполне готова к открытию. Оленин и библиотекарки, в зависимости от чина, получили различные награды, а также прибавки к жалованью³. Посещение Александра I стало знаменательным событием в истории Библиотеки и было запечатлено на картине⁴, а сам день 2 января (14 января по новому стилю) с тех пор является праздничным для Библиотеки и ежегодно отмечается.

Вслед за императором Библиотеку посетили императрица Елизавета Алексеевна, вдовствующая императрица Мария Федоровна, великая князь Николай и Михаил Павловичи, великая княжна Анна Павловна. Кроме членов царской семьи ИПБ осмотрели и многочисленные высокопоставленные гости, среди которых были В. П. Кочубей, С. П. Румянцев, А. А. Аракчеев, адмирал П. В. Чичагов, П. М. Волконский, А. Н. Голицын и другие.

Императорская Публичная библиотека в 1812 г.

С 10 февраля было увеличено финансирование Библиотеки, а 23 февраля 1812 г. высочайше утверждено «Начертание подробных правил для управления Императорской Публичной библиотекой»⁵. В марте при Библиотеке было учреждено Общество для составления словено-русского словаря, в которое вошли А. Н. Оленин и библиотекари И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, А. И. Ермолаев, В. С. Сопиков, А. И. Красовский, А. Х. Востоков; тогда же было принято решение о напечатании «Опыта российской библиографии» В. С. Сопикова. Официальное открытие Библиотеки было намечено на весну, но из-за необходимости проверить наличие рукописей в Депо манускриптов перенесено на лето. Работы шли полным ходом, и по особым просьбам отдельным лицам разрешались занятия в Круглой зале второго этажа.

Ночью 12 июня (24 июня по новому стилю) 1812 г. армия Наполеона выше Ковно (Каунаса) переправилась через Неман и вторглась в пределы России. Неприятель стремительно продвигался вглубь страны. После тяжелых боев русскими войсками были оставлены Могилев, Витебск, Смоленск, 26 августа (7 сентября) произошло великое сражение при Бородино, вечером 2 (14) сентября Наполеон вошел в Москву.

Вторжение Наполеона вызвало необычайный подъем патриотических чувств во всех слоях общества и объединило всех в едином порыве сопротивления. Не допуская мысли о возможности завоевания, российская столица тем не менее готовилась к различным поворотам войны. 13 июля Комитетом министров было разрешено «статским чиновникам, при должностях находящихся», вступать в ополчение. В конце июля 1812 г. А. К. Разумовский в секретной переписке предписывал Оленину принять меры предосторожности, на что тот отвечал: «Долгом почитаю донести, что при ИПБ изготовлено **на всякий случай** (выделено мной. – Л. В.) до 100 ящиков, из коих 10 предполагается на укладку самых редких рукописей, а 90 для самых нужнейших печатных книг»⁶. Он также писал, что может потребоваться до 100 подвод или трех «водовиков», если придется эвакуировать книги водой⁷.

10 сентября Разумовский просил Оленина срочно подготовить все необходимое для отправки дел и вещей Библиотеки и сообщить о чиновнике, который будет с ними командирован. Директор отвечал, что «укладка может занять 4 дня» и «потребно будет от 100 до 120 ящиков, в которых будет весу 2400 пуд»⁸ (в каждом ящике около 20 пудов). Также писал, что отвечать за ценный груз будет помощник библиотекаря Василий Сопиков⁹.

15 сентября министр сообщил Оленину, что

для Библиотеки выделен бриг, принадлежащий Санкт-Петербургскому III гильдии купцу Якову Паншину, на котором находится шкипер Олоонецкой губернии и уезда «государственный крестьянин Федор Александров; бриг сей пойдет в Петрозаводск и находится ныне в готовности на берегу Невы подле Исаакиевского моста». За несколько дней все было упаковано, и началась погрузка. 142 ящика занимали печатные книги, из которых в трех были книги на русском языке (*libri Ruthenici*); в 36 ящиках находились рукописи, причем в 11 – дела архива ИПБ (*Acta Cancellariae Imperialis Publicae Bibliothecae*); в 7 ящиках – вазы ИПБ и еще в 4 ящиках – вещи министра народного просвещения А. К. Разумовского (помеченные как Г. А. К.): всего 189 ящиков. Содержимое каждого ящика было расписано самым тщательным образом¹⁰.

Осеннее время было не самым благоприятным для судоходства по Неве и Ладоге, а эвакуировать нужно было многие учреждения. Почти одновременно с ИПБ в Олоонецкую губернию эвакуировались Академия наук, Академия художеств, студенты Педагогического института, воспитанники Санкт-Петербургской гимназии и т. д.¹¹ В связи с этим управляющий Кабинетом министров П. С. Молчанов обратился ко всем министрам с секретным предписанием:

Поелику время судоходства по водяным сообщениям долго уже продолжаться не может и что между тем на платеж простоя хозяевам нанятых судов употребляется немалая сумма, то не благоугодно ли будет гг. министрам, имеющим еще что-либо к отправлению, уважить сие обстоятельство и поспешить воспользоваться способом судоходства к удалению отсюда дел и вещей по назначению.

К сему должен еще я присовокупить обстоятельство, кот[орое] также уважить следует. Некоторые из отправляемых с делами и вещами суда при позднем времени не могут иногда достигнуть до пристани Крохинской¹² и будут принуждены остановиться там, где невозможность продолжать далее путь их застанет; в таком случае нужно, чтобы места и чтобы отправляющие ведомству их принадлежащие снабдили посылаемых с тем чиновников своих наставлениями, как им тогда поступить, и ежели предпишут им сделать выгрузку на которой-либо из пристаней при селениях, то снабдить на то деньгами¹³.

Со своей стороны военный министр и одновременно с марта 1812 г. главнокомандующий войсками в Петербурге генерал от инфантерии С. К. Вязмитинов велел губернаторам и полиции оказывать «всевозможнейшее пособие»

чиновникам при предъявлении предписания начальства. 20 сентября Разумовский вновь просил Оленина поспешить, так как «вещи и дела из разных мест Министерства Просвещения, назначенные к вывозу из столицы, уже отсюда отправлены»¹⁴.

25 сентября Оленин докладывал Разумовскому, что «бриг, назначенный для вывоза отсюда в Петрозаводск вещей и дел Имп[ераторской] Публ[ичной] Б[иблиоте]ки, сего числа отправился из С.-Петербурга с двумя чиновниками и пятью сторожами Библиотеки <...>. Что касается до благовременного доставления их в предназначенное место, то сие зависит всего более от попутного ветра, на случай же необыкновенно раннего замерзания водяных путей я положил с согласия хозяина брига оставить в нем груз до весны в безопасном от напора льда месте, с принятием нужных мер к сохранению в целости самого судна, так и всех погруженных в него вещей»¹⁵. Вместе с Сопиковым ценный груз сопровождали двадцатилетний коллежский регистратор Алексей Дмитриевич Бельщинский¹⁶, поступивший в Библиотеку в июне 1812 г., и пять человек из сторожевой команды¹⁷ – Иван Иванов, Степан Бабицкий, Мартын Васильевич, Семен Егоров и Егор Михайлов. Всем им было выплачено вперед треть годового жалования, и сверх того сторожам за счет расходной суммы Библиотеки была приобретена теплая одежда. По ходатайству Оленина и особому предписанию главнокомандующего в Петербурге из конторы правления Санкт-Петербургских запасных магазинов для снабжения провиантом сторожей было выделено по 1 кулю муки на каждого человека за фиксированную цену. Одновременно Оленин отдал распоряжение эконому Библиотеки П. П. Петрову снабдить команду «1) достаточным запасом циновок и рогож для покрытия ящиков от холода; 2) довольным количеством крепких веревок на перемену тех, коими теперь увязаны ящики, в случае могущего быть повреждения; 3) потребным количеством сукна для покрытия пяти тулупов, данных сторожам; если шинелей их не можно будет им надевать на нагольные тулупы; 4) нужным запасом пороха и пуль для пяти ружей, коими снабжена от меня сия команда»¹⁸. Всем участникам экспедиции был выдан билет для свободного проезда.

Перед отъездом Оленин вручил Сопикову секретную инструкцию. В детально расписанных пунктах говорилось, что: 1) Сопикову поручается хранение всех отправляемых книг, манускриптов, дел и вещей Библиотеки; 2) помимо выданного вперед жалования «на непредвиденные по казенным надобностям расходы Вы получите 500 руб., в употреблении которых

дадите мне в свое время надлежащий отчет»; 3) «для письменных дел и смотрения вместе с Вами за целостию посылаемых от Библиотеки ящиков и приложенных к ним печатей, равно и для отправления Вашей должности, в случае болезни Вашей или откомандировки Вас в другое место, назначается Вам помощник г. коллежский регистратор Бельщинский, который по званию писца Библиотеки имеет состоять у Вас в зависимости»; 4) для караула вещей Библиотеки, «коим прилагаются при сем 2 особых реестра, за моим подписанием», даны 5 сторожей; 5) поскольку «назначение в Петрозаводске безопасного места для поклажи вещей Библиотеки, равно и назначение удобной квартиры как Вам с помощником Вашим, так и находящимся при Вас служителям зависеть будет от приказаня г. Олонецкого гражданского губернатора», то к нему написано письмо. «Впрочем особенному попечению и заботливости Вашей поручается для поклажи ящиков, выпросить у Его Превосходительства место, сколько возможно надежное и сухое»; 6) «о прибытии Вашем в Петрозаводск и о выгрузке из брига вещей Библиотеки в назначенное для них место Вы не оставите мне донести **с первою почтою**. Равным образом будете Вы доносить мне о целости сих вещей и о состоянии вверенной Вам сторожевой команды **еженедельно**, о чрезвычайных же случаях извещать меня неукоснительно **с первою почтой**»; 7) «по возложенному на Вас поручению хранителя вещей Библиотеки во всех сомнительных делах, не терпящих времени, представляется Вам относиться прямо к г. Олонецкому гражданскому губернатору или к другому местному начальству и просить от них нужного пособия, давая токмо мне о сем знать каждый раз»; 8) без особого предписания не открывать ящиков, запечатанных печатью ИПБ, «разве которые из них подмочены будут»; 9) «на случай, если бы противные ветры или необыкновенно ранняя зима не допустили Вас приехать ныне в Петрозаводск, Вам предписывается остановить бриг на воде в месте, безопасном от напора льда, и, оставя на судне груз с нужным числом служителей, выбрать для пребывания Вашего ближайший к сему месту город или селение, из которых Вы будете приезжать на бриг для осмотра казенных вещей, сколько возможно чаще, наблюдая, чтобы самое судно содержимо было в целости чрез ежедневное окалывание льда и чрез другие нужные предосторожности»¹⁹. Одновременно с инструкцией Оленин вручил Сопикову письмо для Олонецкого гражданского губернатора В. Ф. Мертенса, в котором поручал всех членов экспедиции его покровительству и просил всячески содействовать им: «Сие письмо

будет иметь честь вручить Вашему Превосходительству Императорской Публичной Библиотеки помощник библиотекаря г. Сопиков, который по предписанию г. министра Народного Просвещения отправлен мною из Санкт-Петербурга в Петрозаводск с принадлежащими означенной Библиотеке вещами на бриге купца Паншина. По возложенному на меня званию Директора сей библиотеки я долгом считаю покорнейше просить Ваше Превосходительство приказать назначить безопасное место для хранения помянутых казенных вещей, равно и отвести удобную квартиру как для г. Сопикова и отправленного вместе с ним г. коллежского регистратора Бельщинского, так и для пяти человек сторожей, данных им от Библиотеки для караула вещей, причем также прошу Вас, Милостивый государь мой, доставлять г. Сопикову по предмету сделанного ему поручения всякое зависящее от Вашего Превосходительства пособие, которого им по сим данной ему инструкции имеет от Вас ожидать»²⁰.

Опасения Оленина по поводу осенней навигации во многом оправдались. Путь вверх по течению Невы при сильном встречном ветре оказался трудным для парусного судна, и уже 30 сентября бриг встал против Александровского завода²¹. Сопиков отправил Бельщинского с донесением к Оленину, и 3 октября он вернулся с ассигнациями на сумму в 200 руб. и ордером на наем лошадей, чтобы тянуть бриг бечевою около 20 верст.

6 октября из Кошкиной мели²² Сопиков писал в рапорте Оленину: «Вверенный мне бриг с вещами Императорской Публичной библиотеки сего числа в 7 часов утра, снявшись с якоря с Невских порогов свежим западным ветром, прошли оные пороги довольно быстро и счастливо, а в первом часу вышли на Кошкину мель, находящуюся при выходе из Невы на Ладожском озере, верстах в 4-х выше Шлоссельбургской крепости. В сем месте располагаем ночевать, и если теперешний попутный ветер будет нам благоприятствовать, то в 3 часа по полуночи пустимся в путь по Ладожскому Озеру. 4-го числа, по получении ордера Вашего Превосходительства, в 10 часов наняли 60 лошадей, чтобы судно тянуть бечевою; но по причине сильного полуденного ветра, который валил судно к правому берегу Невы, сего исполнить было невозможно. На другой день, т. е. 5-го числа в 8 часов, взяв опять лошадей, пошел бечевою, и, с великим трудом перетащив около 2-х верст, при слабом попутном ветре, в 4-м часу по полудни распустили все паруса, а в 12 часов стали на якорь у Невских порогов. Впрочем, я с помощником моим, воинская команда и все служители судна находились здоровы и в добром состоянии»²³.

Через три дня из села Сермовка Сопиков сообщал в Петербург: «Судно ночевало на Кошкиной мели, а 7 числа поутру, в 3-м часу по полуночи, как было предположено, совсем изготавясь, при свежем западо-северном ветре и при слабом лунном свете, пошло в назначенный свой путь. В 6 часу вначале небо начало покрываться серыми, в разные стороны бегающими облаками; ветер вдруг сделался прерывист и очень окреп; между тем пошел сильный дождь. Судно, несмотря на то, что подобрало паруса, оставя только 2, несло с такой скоростью, что в течение только 9 часов 160 верст перебежать успело; волнение было жестоко, качание судна, по причине малого числа поднятых парусов, было чрезвычайно. Мы все, выключая некоторых опытных водоходцев, заплатили обыкновенную дань свирепствующей стихии: сильно захворали и слегли. Но, к счастью, это беспокойное состояние продолжалось не более 2-х часов по полудни. В 3-м часу ветер стал умереннее, дождь перестал, подняли все паруса, чрез то судно получило полный свой ход, а с тем вместе и качание приметно уменьшилось; большие, вышед на палубу, несколько освежились. Около половины 7-го часа ветер совсем утих, и судно положило якорь в 7 верстах расстояния от устья реки Свири. Из сего места за безветрием простояли мы до 9-го числа, в которое во 2-м часу по полуночи, подошел к устью оной реки, положили якорь. В 8-м часу по полудни при легком западном ветре судно, подняв якорь и прошед устье реки Свири, в 10-м часу остановилось у большого селения Сермовки, при соединении двух рек Свири и Сермовки, где на находящейся заставе записываются все суда, идущие рекою Свирью. В сем месте, исправив свои нужды, при способном ветре нимало не медля пустились в назначенный нам путь. Прошед главные опасности, как судно, так и все на нем находящиеся в добром состоянии. Погода, судя по времени, стоит довольно теплая, а потому мы и надеемся при попутном ветре доплыть до назначенного нам места прежде зимнего пути»²⁴.

Следующее сообщение от Сопикова было направлено Оленину через две недели, 23 октября: «После донесения моего Вашему Превосходительству от 9 числа сего месяца из села Сермовки вверенный мне бриг с вещами Императорской Публичной библиотеки на другой же день при попутном ветре пошел рекою Свирью, а 19 числа, доплыв благополучно до деревни Усланки, при сей реке в 30 верстах выше Лодейного Поля находящейся, остановился зимовать в месте удобном и безопаснейшем, какое только есть по всему течению реки Свири. Ибо наступившая тихая

и ясная погода с морозами не позволила нам продолжать нашего плавания, и все суда с казенным грузом, вышедшие в одно время с нами, коих скопилось довольно число, равномерно расположились зимовать в разных местах упомянутой реки. Я с помощником моим и воинская команда с судна перебрались на квартиры в две крестьянские избы в сказанной деревне, не более 100 сажень расстоянием от нашего судна, которое, кроме всегдашней воинской на нем стражи, посещается мною ежедневно. Груз судна и люди, мне вверенные, находятся в добром состоянии»²⁵.

Сопиков постоянно держал Оленина в курсе всех дел и при первой же возможности отправлял ему сообщения. Через неделю после устройства в селе Устланка он писал, что бриг с вещами Императорской Публичной библиотеки и все члены экспедиции находятся в благополучном состоянии. Подходящего помещения для эвакуированных ценностей найти не удалось, и Сопиков решил не выгружать их на берег, так как при них постоянно находятся дежурные, а «для выливания из судна воды и вокруг его скалывания льду в течение зимы оставлены двое из бывших на нем служителей»²⁶. И все-таки сырость, от которой невозможно было избавиться, волновала Оленина, и он просил все время проверять сохранность и надежность упаковки ящиков.

Между тем на театре военных действий события приняли новый оборот. 19 октября французская армия стала покидать сожженную Москву и отходить в юго-западном направлении. 24 октября произошло сражение под Малоярославцем, и Наполеон был вынужден отступить по опустошенной Старой Смоленской дороге. Исход войны уже не вызывал сомнений.

7 ноября Оленин уведомил Разумовского, что намерен вернуть вещи Библиотеки из эвакуации. 10 ноября с нарочным, унтер-офицером Захаром Кирилловым, Оленин направил Сопикову следующий ордер: «По миновании ныне опасности для Петербурга, желая перевести сюда установившимся зимним путем отправленные с Вами на бриге вещи во 189 ящиках, рекомендую Вам выправиться, во что может обойтись перевозка всех сих ящиков и особенно 36 ящиков с рукописями и 11 показанных в реестре накладных ящиков, о доставлении которых в Петербург, по редкости хранящихся в них вещей могущих на воде от сырости повредиться, я всего более забочусь. Я надеюсь, что Вы пришлете ко мне сию справку в непродолжительном времени, дабы я мог сделать дальнейшие по сему предмету распоряжения, пользуясь лучшим зимним путем»²⁷.

В течение нескольких дней Сопиков навел справки о предполагаемой сумме, необходимой для перевозки в Петербург собрания Библиотеки, и сделал приблизительную смету:

46 ящиков и 1 сверток с рукописями и другими вещами, по соображению моему, содержат в себе весу ок. 700 пуд. 142 ящика с книгами, полагая в каждом по 16 пуд, составят 2972 пуда (всего 2972 пуда).

За доставлением сих ящиков в Санкт-Петербург нынешним зимним путем крестьяне здешних окрестных деревень соглашаются взять последнюю цену, а именно по одному руб. с пуда. Для объяснения некоторых обстоятельств, к сему предмету относящихся, прилагаю у сего особую записку:

[Записка]

На другой день по получении предписания Вашего Превосходительства я с помощником моим, разделяясь надвое, ездили в разные окружные деревни для сведения и предложения крестьянам о перевозе нашего груза. Охотников, имеющих лошадей, находится довольно; и хоть все единогласны плату за провоз по рублю с пуда считают самую крайнюю и последнюю, однако ж некоторые из них соглашаются взять и по 95 коп. Можно с вероятностью надеяться, что и все прочие сию последнюю цену взять согласятся. Сия цена в нынешнее трудное время, по моему мнению, самая умеренная, которая разве малым чем превышать будет ту, которая нужна на перевозку водяным путем, с тою несравненно разницей, что сей последний путь по Ладожскому Озеру иногда бывает подвержен немалой опасности, от которой первый совершенно свободен. Вес ящиков, показанный мною в донесении, дабы сколько можно ближе подходил к вероятности, я велел взвесить несколько ящиков разной величины и с разными вещами. Но, кажется, утвердительно можно полагать, что всего весу более 3000 пуд не будет. Есть ли перевозку сию предписано будет произвести в действо, в таком случае крестьяне, желающие в ней участвовать, просят, чтобы им на такое короткое время можно было обойтись без пашпортов, получение коих требует издержек времени, да и затруднительно. И для того не благоугодно ли будет о сем отнестись к Г. Олонецкому Гражданскому губернатору, чтобы он дозволил им исправить сию перевозку без пашпортов, а с общим билетом на целый обоз, с означением в нем имени каждого крестьянина. Пока кладь будет наваливаться, предписание его может сюда дойти. По наложении всей клади и по отправлении всего обоза в дорогу, да соблаговолено будет позволить мне, взять особую подводу и

отправиться на скорых вперед, а помощник мой г. Бельщинский и воинские служители провожать будут помянутый обоз²⁸.

По получении сообщения Оленин тут же написал В. Ф. Мертенсу, и тот распорядился выделить Сопикову и Бельщинскому «приличные» квартиры, а для хранения вещей ИПБ «нарядить обывательский караул». Но распоряжение далекого губернатора, видимо, не имело реальной силы. Благодаря Оленина за заботу и за обращение к В. Ф. Мертенсу, Сопиков писал: «Поелику квартиры заняты нами были до Его предписания, то оно только утвердило их за нами и остановило по сему случаю нападки советника Каменщикова. Обывательского караула для хранения сказанных вещей не наряжено и по сей день, а тот караул отправляют наши воинские служители»²⁹. Несмотря на сложные условия жизни, В. С. Сопиков, занятый всевозможными практическими вопросами, не переставал трудиться над книгой «Опыт российской библиографии», которую по частям пересылал в Библиотеку. 15 ноября Оленин писал ему, что получил присланную рукопись и отдал ее в типографию. «О заготовлении же потребной бумаги для печатания ее и следующих тетрадей нужные распоряжения с моей стороны сделаны»³⁰.

В течение второй половины ноября продолжались различные согласования, оформление бумаг, торг с крестьянами. 4 декабря гражданский губернатор Олонецкого края писал Оленину, что список крестьян, представленный Сопиковым, рассмотрен и им выдан один пропуск на весь обоз для проезда в столицу и обратно, и что он просил местные власти содействовать «в приискании и найме подвод за выгодную для казны цену»³¹.

2 декабря Оленин послал Сопикову распоряжение немедленно отправляться в обратный путь, но все же поторговаться и постараться снизить цену за проезд. Тот отвечал: «...я подрядил крестьян, имеющих потребное число лошадей перевезти в Санкт-Петербург отправленные со мною на бриге все 189 ящиков с вещами Императорской Публичной Библиотеки, ценою по 90 коп. с пуда, и для верности с обеих сторон дал им задатки. Составленный именной список сим крестьянам отправлен уже мною с нарочным к Г. Олонецкому Гражданскому Губернатору»³². 11 декабря Сопиков сообщал: «10 числа сего декабря с полудня началась накладка оных ящиков на лошадей, и в сие короткое время успели уже наложить 41 ящик весом 648 пуд. Все бы ящики наложены и отправлены были в дорогу очень скоро, есть ли бы по причине ныне повеленного рекрутского набора и ненадлежащего

содействия здешнего земского начальства не встретились некоторые затруднения, несмотря на строгие оному, по приказу сему, Олонецкого губернского правления и самого г. губернатора предписаний. Подробностями других обстоятельств, затрудняющих успех нашего отправления, почитаю излишним обременять внимание Вашего Превосходительства. Но за всем этим чрез неделю надеюсь отправиться в надлежащий путь. Нынешний день накладка, по мере пригону лошадей, будет продолжаться. Означенные вещи и люди, для хранения их отпущенные, находятся в добром состоянии»³³.

Вскоре обоз двинулся в путь и 19 декабря прибыл в Петербург. Отчитываясь перед Олениным, Сопиков писал в последнем рапорте от 23 декабря:

Ящики с вещами Императорской Публичной Библиотеки, отправленные со мною на бриге в Олонецкую губернию, означенные в 2-х прилагаемых у сего накладных реестрах, по предписанию Вашего Превосходительства от 2 числа сего дня № 205, под смотрением моим, на 108 лошадях того ж декабря 19 числа привезены в Санкт-Петербург благополучно и в добром состоянии, которые по приказанию Вашего Превосходительства в Императорскую Публичную Библиотеку от меня уже и приняты. В сих ящиках находится весу 3219 пуд. За проезд оных ряжено и заплачено извозчикам по 90 коп. с пуда, всего 2897 руб., да сверх того за 3 подводы для меня и помощника моего и провоз солдатской клади 91 руб. 20 коп., что изволит усмотреть из накладной при сем мною прилагаемой. Сколько получено мною денег из ИПБ на перевозку сказанных ящиков и куда оные употреблены, значится в шнуровой у сего же прилагаемой книге.

При сем Вашему Превосходительству осмеливаюсь представить помощника моего г. Бельщинского, который, находясь при мне, должность свою исполнял с особенным усердием и рачительностью, также и воинскую сторожевую команду, состоящую из 5 человек: Ивана Иванова, Степана Бабицкого, Мартына Василькевича, Семена Егорова и Егора Михайлова, которые быв под моею командою, вели себя порядочно и в должности были исправны, о чем Вашему Превосходительству честь имею донести³⁴.

К своему рапорту он прилагал накладную, в которой было указано, «какому крестьянину на подводе было положено ящиком и под какими номерами, сколько весу было на каждой подводе и сколько было заплачено каждому».

Здесь же прилагался список всех 97 крестьян, которые вели обоз, и указано, сколько лошадей принадлежало каждому из них. Он скрупулезно подвел итог всем издержкам, связанным с возвращением³⁵.

Доставленные ящики стали переносить в здание Библиотеки, и эконом ИПБ Попов также тщательно подсчитал все расходы³⁶. Общая сумма, которую ИПБ потратила на эвакуацию, составила 5639 руб. 57 коп., что, как писал Оленин Разумовскому, «очень чувствительное стеснение в денежных оборотах Библиотеки». Казна в 1812 г. не смогла выделить средств на вывоз книг и рукописей за пределы Петербурга, и все расходы были оплачены из средств ИПБ. Правда, в последний день 1812 г., 31 декабря, Разумовский сообщил Оленину, что обещает насчет издержек Библиотеки «войти с представлением куда следует»³⁷.

Трудная экспедиция благополучно завершилась. Все эвакуированные вещи вернулись на свое место. Оленин высоко оценил самоотверженность своих подчиненных и 28 декабря написал Сопикову последний ордер за 1812 г.: «По приеме от Вас в Библиотеку 189 ящиков с ее вещами, отправленных прошедшею осенью из Петербурга в Олонецкую губернию и нынешним зимним путем обратно привезенных сюда под Вашим смотрением, я обязанностию моею поставляю ныне Вам изъявить признательность мою и Библиотеки за усердное исполнение сего, сделанного Вами поручения, а между тем уверить Вас, что о трудах Ваших, равно как и о трудах рекомендованного Вами помощника Вашего г. коллежского регистратора Бельщинского, я не премину представить в свое время на уважение Его Сиятельства г. Министра Народного Просвещения графа Алексея Кирилловича Разумовского»³⁸.

1812 год, который начался большими надеждами и планами, стал одним из самых трудных в истории Императорской Публичной библиотеки. Неожиданные испытания в конечном итоге закончились, но понадобился еще целый год, чтобы разобрать и расположить книги и рукописи в нужном порядке, привести всю Библиотеку в полную готовность к открытию, которое состоялось 2 января 1814 г.

Примечания

¹ А. С. Строганов и его предшественник М. Г. Шуазель-Гуффе возглавляли ИПБ в качестве главных директоров императорских библиотек. После смерти Строганова 27 сентября 1811 г. Библиотека была подчинена непосредственно министру народного просвещения, должность

главного директора «как совершенно заменяемая властью министра народного просвещения» была упразднена, и введена должность директора, на которую 13 октября был назначен Оленин.

² Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. СПб., 1914. С. 60. Далее – ИПБ за сто лет.

³ Ходатайству о награждении, Оленин писал министру А. К. Разумовскому, что для приведения Библиотеки в порядок нужны были умственные и телесные труды чиновников, «я говорю троекратно телесные, ибо разбор 250 тысяч книг, перемещение их из одного этажа в другой и надлежащая установка в шкафы действительно составляли немалую и притом самую скучную работу...» (ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1812. Ед. хр. 7. Л. 1 об.–2).

⁴ Картина сделана по рисунку почетного библиотекаря ИПБ И. А. Иванова, по которой А. Г. Ухтомским была выполнена гравюра акватинтой.

⁵ «Начертание...» заменило «Положение об управлении Императорскою Публичною библиотекою» 1810 г. и стало ее уставным документом вплоть до 1850 г.

⁶ Ундорский А. Заметки на полях журнала // Рус. библиофил. 1916. № 4. С. 86.

⁷ Эпизод с эвакуацией фондов ИПБ в 1812 г. в общем виде освещен в ряде статей, большей частью повторяющих друг друга и базирующихся на материалах книги «ИПБ за сто лет». Фрагментарно некоторые документы опубликованы в хрестоматии: Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотека глазами современников (1795–1917). СПб., 1998. С. 85–88. В настоящей статье впервые опубликованы новые архивные материалы, позволяющие проследить все этапы эвакуации и представить ее в деталях.

⁸ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1812. Ед. хр. 11. Л. 2.

⁹ Сопиков Василий Иванович (1765–1818), уроженец Суздаля, книготорговец, издатель, библиограф, был принят на службу в ИПБ в июле 1811 г. Более подробно о нем см.: Голубева О. Д. Сопиков Василий Иванович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. СПб., 1995. Т. 1. С. 481–484. Далее – Сотрудники РНБ. Т. ... С. ...

¹⁰ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1812. Ед. хр. 11. Л. 18–28 об.

¹¹ См.: Московский университет и Санкт-Петербургский учебный округ в 1812 г.: док. Арх. М-ва нар. просвещения, собр. и изд. под ред. К. Военского. СПб., 1912.

¹² Находилась на левом берегу р. Шексны у ее истоков из Белого озера.

¹³ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1812. Ед. хр. 11. Л. 7–7 об.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Московский университет и Санкт-Петербургский учебный округ... С. 358.

¹⁶ См.: Шилов Л. А. Бельщинский Алексей Дмитриевич // Сотрудники РНБ. Т. 1. С. 84–85.

¹⁷ Сторожевая, или Инвалидная команда, как иногда ее называли, формировалась из солдат, вынужденных по ранению оставить армию. В основном это были рядовые, но иногда фельдфебели и унтер-офицеры. В начале 1812 г. в Библиотеке было 13 сторожей, но с развертыванием военных действий по просьбе Оленина их число было

Императорская Публичная библиотека в 1812 г.

увеличено до 25 (ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1812. Ед. хр. 21. Л. 7). Многие из них принимали участие в боях и были лично отобраны Олениным в госпиталиях.

¹⁸ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1812. Ед. хр. 11. Л. 17.

¹⁹ Там же. Л. 13–14 об.

²⁰ Там же. Л. 15.

²¹ Точно установить, о каком месте идет речь, не удалось. Александровский завод на Неве (ныне пр. Обуховской обороны, д. 123–127) существовал с 1825 г., куда был переведен с Петергофского тракта. Это относительно недалеко от центра Петербурга. Возможно, речь идет о селе Александровской мануфактуры, располагавшемся при впадении в Неву реки Ижоры.

²² Кошкина мель, или Кошкин маяк находилась в 5 верстах от Ладожского озера.

²³ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1812. Ед. хр. 11. Л. 39–40.

²⁴ Там же. Л. 41–42.

²⁵ Там же. Л. 49–49 об.

²⁶ Там же. Л. 50.

²⁷ Там же. Л. 53–53 об.

²⁸ Там же. Л. 56–58.

²⁹ Там же. Л. 68 об.

³⁰ Там же. Л. 59 об.

³¹ Там же. Л. 63.

³² Там же. Л. 72 об.

³³ Там же. Л. 73–73 об.

³⁴ Там же. Л. 74–74 об.

³⁵ Крестьянам было уплачено 2897 руб.; за 3 подводы, на которых ехали он, Бельцинский и везли солдатское имущество, – 91 руб. 20 коп.; мелочные расходы, занесенные в шнуровую книгу, составили 164 руб. 60 коп.

³⁶ «Стаскивание ящиков со двора в залы Библиотеки» – 120 руб.; «за зделание 3-х медведок и слюзьев для возки ящиков в Библиотеку – 20 руб. 50 коп.; 20 декабря на сало к слюзам – 50 коп.; 21 декабря выдано 33-м поденщикам, нанятым для перетаскивания ящиков, каждому по 1 руб. на день, за 3 дни – 99 руб.» (ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1812. Ед. хр. 11. Л. 80).

³⁷ Там же. Л. 85.

³⁸ Там же. Л. 83–83 об.